

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГЕНОЦИДА АРМЯН
Азербайджан: конец XX века

ЕРЕВАН, 2006

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГЕНОЦИДА АРМЯН
Азербайджан: конец XX века

Из воспоминаний русских офицеров

ЕРЕВАН, 2006

Публикация общественной организации «Зинвори майр»
«Զինվորի մայր» հասարակական կազմակերպության հրատարակություն

Мы благодарим редакцию газеты «Голос Армении»
за предоставленный материал
Շնորհակալություն ենք հայտնում «Գոլոս Արմենիի»
թերթի խմբագրությանը՝ տրամադրած նյութերի համար

Выражаем свою признательность ректорату Армянского государственного
педагогического университета им. Х. Абовяна за поддержку издания книги
Հայտնում ենք մեր երախտագիտությունը Խ. Աբովյանի անվան
հայկական պետական մանկավարժական համալսարանի ռեկտորատին՝
հրատարակությանը աջակցելու համար

Книга содержит воспоминания русских советских
офицеров о трагических событиях 1988-1992 гг.
Գրքում գետեղված են ռուս խորհրդային սպաների
հիշողությունները 1988-1992թթ. ողբերգական դեպքերի մասին

Мы, солдатские матери Армении, предлагая
читателю эту книгу, выражаем
общематеринскую вселенскую боль.

Մենք՝ Հայաստանի զինվորների մայրերս, ներկայացնելով այս
գիրքը, արտահայտում ենք համայն մայրերի տիեզերական
ցավը

***We, Armenian Soldiers Mothers, offering this book
to readers, express our motherly universal suffer.***

Nous, les meres des soldats d'Armenie, en proposant ce
livre aux lecteurs exprimant la douleur maternel
universel.

Nosotros. Las madres de los soldados de Armenia, ofreciendo al
lector este libro, expresamos el dolor maternal universal.

«В феврале 2006 года исполнилось 17 лет погромам армян в Сумгаите. Сердобольное мировое сообщество не любит вспоминать об этом акте Геноцида в Советском Азербайджане.

Между тем все сознают, что если бы в 1988 году сумгаитских насильников постигла бы суровая государственная кара, многое в отношениях армян и азербайджанцев могло сложиться иначе. Во всяком случае крови с обеих сторон могло бы пролиться меньше.

Однако союзные власти не собирались каяться и делать выводы, что и привело к развалу одного из мощных государств мира.»

Из российских газет

После безнаказанного Сумгаита эскалация насилия против армян в Азербайджане стремительно нарастала. Тяжелее всех пришлось армянам Карабаха, практически безоружным на фоне резво вооружавшихся молодчиков из Народного фронта Азербайджана.

В это смутное время Юрий ГИРЧЕНКО, новоиспеченный 21-летний выпускник Вольского высшего военного училища, служил в отдельном инженерно-саперном батальоне, размещенном в Агдаме. В своих воспоминаниях "В Союзе все спокойно" он рассказывает о том, что видел и слышал, находясь в Агдаме (сентябрь 1989 - июль 1991гг.).

"В СОЮЗЕ ВСЕ СПОКОЙНО"

1989 год. Ноябрь

Официально Народный фронт Азербайджана был образован в январе 90-го. Но это там, в Баку, а у нас в Агдаме эти ребята бряцали оружием с осени 89-го. И определенную роль в этом бряцании сыграло именно то, похищенное со склада оружие.

И в этой ситуации все доходило до маразма. Мы, военнослужащие Вооруженных сил СССР, ходим без оружия, а бородатые джигиты всегда и везде с ним.

И может быть, так и продолжали бы мы ходить без оружия, если бы не один случай.

Местные джигиты избили одного нашего майора, да не просто избили, а со смертельным исходом. Тело майора этого сразу же забрали и увезли на родину представители вышестоящего штаба, а нам сказали не поднимать панику и не нагнетать обстановку. Наш комбат всегда выполнял указания начальства, но на этот раз плевать хотел на все это уродство, и в тот же день приказал выдать всем оружие.

1990 год. Январь

Еще 8 января, на совещании у комбата наш начальник особого отдела, старший лейтенант, сообщил, что в ближайшее время Народный фронт Азербайджана намечает нападения на воинские части с целью захвата оружия и техники. А у нас было что взять. У нас в батальоне было большое НЗ.

Чтобы было понятно, скажу: по военному времени мы должны были укомплектовать три полка и четыре отдельных батальона, и вот все это имущество, техника и вооружение хранилось у нас на складах длительного хранения. А рядом была Узун-Дара, где на военном складе хранилось несколько тысяч вагонов боеприпасов. В общем, мы были лакомым кусочком для боевиков.

13 января было совершено нападение на артсклад в Узун-Даре. Бой там был посерьезней, и потери у джигитов были побольше: только убитых было шесть человек. А у наших там обошлось без потерь, даже раненых не было.

Вечером 14 января двое кардашей попытались перебраться через забор нашей части возле склада вооружения, но запутались и были расстреляны часовым.

1990 год. Февраль

С введением чрезвычайного положения в НКАО и прилегающих районах обстановка понемногу стабилизировалась. Нет, нельзя сказать, что наступил стопроцентный мир, но выстрелы, как правило, раздавались одиночные и только в ночное время. Однако на общем совещании у командира батальона было принято решение об эвакуации семей.

1990 год. Май

Как-то подошел ко мне начальник особого отдела и сказал, что, по его сведениям, на вещевом складе части не все на месте. Недостача была огромная. Не хватало пять с половиной тысяч комплектов полевого хлопчатобумажного обмундирования. По простому - "афганки".

Прапорщик - начальник склада - лепетал что-то несуразное о том, что он ничего не знает. Но все его отговорки были неубедительны. Его взяли под арест. Через пару дней отвезли в Баку, в военную прокуратуру и завели уголовное дело. О его дальнейшей судьбе мне ничего не известно.

Но с тех пор бойцы местного Агдамского Народного фронта Азербайджана были одеты в новенькое обмундирование. Вот так: что не смогли взять с боем в январе, тихо-мирно взяли в мае.

1990 год. Июль

Но война - войной, а женщина всегда остается женщиной. Вот и моей жене вместе с моим делопроизводителем - женой замкомандира по вооружению - захотелось пройтись на местный Агдамский рынок.

Так вот, были они на рынке, и там их пытались изнасиловать местные "чурки". Понятие у агдамских джигитов своеобразное: если женщина блондинка и в брюках - значит, проститутка. Девчонки наши вырвались с трудом и бегом примчались в часть.

Узнав об этом, мы с майором долго не думали. Прыгнули на БРДМ, прихватив с собой человек пять бойцов, и поехали на рынок.

Конечно, мы уже не нашли насильников, но несколько носов и скул сломали. В том числе и одному местному милиционеру. Потому что очень уж он сильно возмущался...

Для наведения конституционного порядка в местах с массовыми антиобщественными проявлениями правительством Азербайджана был создан республиканский ОМОН. Это подразделение подчинялось не МВД СССР, а - по документам - МВД Азербайджана. Но на самом деле руководил этим ОМОНОм штаб бывшего, упраздненного Народного фронта

Азербайджана. То есть, по сути, боевики. Одеты в милицейскую форму, узаконенные, но боевики.

Получалось следующее. Если нельзя воевать незаконным формированиям, то теперь можно воевать законному ОМОНу. Могу с полной уверенностью сказать, что формировалось это подразделение из кого попало, в том числе и из бывших уголовников. Ну, как вам такой Отряд Милиции Особого Назначения?

Вооружался и экипировался этот ОМОН за счет средств МВД Азербайджана. И это уже был не какой-то партизанский отряд, а подразделение милиции, получающее денежное довольствие за свои "труды". А они заключались в охране азербайджанского населения на территории НКАО, и - в то же время - в грабеже армянского населения этой области. Ну, если бы только грабеж, то еще полбеды, но происходили и убийства мирного населения со всеми элементами последующего мародерства.

1990 год. Декабрь

В начале декабря были закончены операции по ликвидации незаконных военизированных формирований. И поэтому были выведены с территории Нагорно-Карабахской автономной области подразделения ВДВ и сокращен контингент подразделений внутренних войск.

Вот тут, по моему мнению, нашим "умным" правительством Советского Союза была допущена самая большая ошибка. Ошибка заключалась в следующем. Поддержание порядка в Карабахе было возложено на ОМОН МВД Азербайджана, на этих полууголовников...

Вот тут, фактически, все и началось.

Эти омовцы были во всех городах Нагорного Карабаха. Периодически появлялись и в селах, проводя депортацию местного населения, занимаясь грабежом и насилием. А почему бы и нет? Они, омовцы, власть...

1991 год. Январь

ОМОН МВД Азербайджанской ССР продолжал заниматься депортацией армянского населения с территории Нагорно-Карабахской автономной области.

Происходило это примерно так. В армянское село входили подразделения ОМОН. Грузили местных жителей на машины и вывозили на территорию Армении, точнее, на границу с Арменией.

Если вас вот так вывести из квартиры, посадить в машину и увезти куда-то в поле, сказав при этом, что обратно домой дороги нет. Что бы вы сделали? Наверное, попытались бы вернуться домой.

А если бы домой не пускали?

Вы все равно попытались бы вернуться, и для возвращения использовали любые доступные и недоступные, законные и даже незаконные средства... Разве не так?

Вот и армяне возвращались... Выбирали удобный момент, когда омовцы покидали село, и возвращались... А вернувшись домой, обнаруживали, что их личных вещей уже в доме нет, все вывезено ОМОНом.

Ваши дальнейшие действия в этой ситуации?

Вы попытаетесь вернуть свое, родное, трудом и собственным потом нажитое добро. А как это осуществить?

Обратиться к власти? Так ведь представители этой самой власти в лице сотрудников ОМОНа вас и выселили. Незаконно выселили. А Закон молчит... И Правительство СССР на ваши проблемы не обращает никакого внимания.

Нет тебе защиты нигде...

Вот и приходится брать в руки оружие...

И армяне Нагорного Карабаха брали в руки оружие...

Вот где-то примерно в это время и начала создаваться Армия Самообороны Нагорного Карабаха. Но создавалась она скрыто, в тайне... Оружие для этой армии поставлялось в основном с территории Армении. А откуда оно бралось в Армении? Точно так же, как и в Азербайджане, - грабились военные склады. А помогали вооружать как одну, так и другую сторону нечистоплотные на руку военные чинуши, получая при этом хорошее вознаграждение...

1991 год. Февраль

22 февраля из гранатомета была обстреляна комендатура Чрезвычайного района в Степанакерте. А в это время в комендатуре находилась "важная шишка" из Москвы. Через два дня в том же Степанакерте был взорван маршрутный автобус. По горячим следам было проведено расследование, в результате которого была установлена причастность ОМОНа Азербайджана к этим двум террористическим актам. 28 февраля Правительством СССР Внутренним войскам была поставлена задача по вылавливанию отряда ОМОН Азербайджана и пресечению их бесчинств.

1991 год. Март

Внутренние войска МВД СССР получили задачу по обезвреживанию ОМОН Азербайджана, а вот выполнить эту задачу до конца им не удалось.

Вот и в этот раз приказ был отдан, а через пару дней в него были внесены изменения. И в результате ОМОН МВД Азербайджана был просто сокращен примерно в два раза, и оставшиеся омововцы должны были поддерживать порядок только в населенных пунктах с азербайджанским населением.

Подчеркиваю - должны были...

На этом все и закончилось.

А дальше начались террористические акты, обстрел автомобильных дорог, захват заложников, депортация населения - как армян, так и азербайджанцев. И было очень трудно разобраться, кто именно стоит за каждым случаем - ОМОН Аз. ССР или Освободительная Армия Карабаха, Народный фронт Азербайджана или Армянская Национальная Армия, а может быть, даже МВД СССР или КГБ СССР...

1991 год. Апрель

29 апреля по приказу командующего Закавказским военным округом из нашего батальона уехали на разминирование майор - замкомандира по боевой подготовке, лейтенант - начальник автомобильной службы и лейтенант - командир саперного взвода, вместе со своим взводом, в район села Чайкенд (Геташен). 30 апреля они вернулись все взъерошенные и с круглыми глазами. Рассказывали они следующее.

Вечером внутренние войска окружили село, и наши ребятки начали проверять дорогу на предмет мин. "Сняли" пару штук и, больше ничего не найдя, отошли на исходные позиции. Затем взвэшники провели обыск домов. Изъяли оружие... Которое нашли...

А потом, утром, в село вошел азербайджанский ОМОН и начал издеваться над местными жителями. Именно так мне и рассказывали... Избивали мирное население, хотя кто здесь разберет, где мирное, а где нет... Грабили дома... Стреляли...

После этого вооруженные армяне - да, уже вооруженные, уже повытаскивали из укромных мест оружие, - захватили в заложники несколько взвэшников.

Через некоторое время трое вооруженных армян, взяв с собой одного из заложников, подполковника ВВ, отправились на переговоры к руководителям операции. А стоит отметить, что руководил операцией целый генерал-полковник.

Армяне начали требовать вывести из села омововцев... И, может быть, все прошло бы мирно, если бы омововцы тут же не расстреляли всех троих армян. Стреляли омововцы - лишь бы стрелять... Поэтому и подполковника ВВ ранили в ногу.

Вскоре начался отвод из села подразделений внутренних войск и ОМОНа. Отходя, омоновцы забрали с собой примерно человек пятьдесят жителей. А напоследок обстреляли из автоматов и из одного пулемета село...

1991 год. Май

22 мая был обстрелян блокпост внутренних войск на въезде в Агдам. 24 мая, отслужив положенный срок, уехал на дембель мой боец - водитель хлебовозки. Жаль было расставаться. Отличный солдат, настоящий воин... Но дома ждут родные. Да что там говорить, дома всегда лучше... Я поговорил с командиром батальона, и моему бойцу присвоили на дембель звание младший сержант. Удачи тебе, дружище!

Но не все дембеля уезжали без эксцессов. Уже получив все необходимые документы на руки, два наших бойца, один из них сержант, а другой - ефрейтор, отправились на Агдамский железнодорожный вокзал. Купили билеты и ждали поезд.

Тут к ним подошла толпа местных кардашей. Солдат окружили и начали избивать. Затем сержанта бросили под проходящий рядом товарный поезд. Поезд проехал по ногам. Парень остался без обеих ног... А ефрейтору отрубили руку. Просто так, хладнокровно, взяли и топором отрубили руку... Мы искали этих гадов, но - увы...

1991 год. Июль

7 июля был обстрелян наш второй караул. 8 июля было совершено нападение на все тот же второй караул. Личный состав караула атаку отразил, но получил серьезную травму старший сержант, начальник караула. А пацану через два дня на дембель...

9 июля был бой у населенного пункта Эркеч. И должен отметить, что после этого бои там были часто...

10 июля произошла перестрелка у села Хачинчай Мартакертского района.

В ночь с 10 на 11 июля был обстрелян артиллерийский склад в Узун-Даре. Причем обстреливался он по давно опробованной схеме. Тем же самым челночным методом.

Уроки полуторагодичной давности кардаши, видимо, не усвоили. И как только они начали обстрел, то с территории артсклада, в ответ по ним, ударили сразу три пулемета. Кардаши потеряли три машины, человек пять джигитов было убито...

Эпилог

До конца 1991 года с территории Нагорно-Карабахской автономной области были выведены все внутренние войска МВД СССР. Последними покидали Карабах - в начале 1992 года - остатки 366-го мотострелкового полка и батальона химической защиты из Степанакерта, а также моего отдельного инженерно-саперного батальона из Агдама. Личный состав частей уезжал с пустыми руками. Оружие и техника по приказу вышестоящего командования остались на месте... И понятно, что досталась она именно тем, кто потом продолжил войну.

Война в Нагорном Карабахе продолжалась до 1994 года.

Я не хочу сказать, что армяне победили. Нет, Нагорно-Карабахская республика до сих пор не признана суверенной. Но армяне изгнали из НКР азербайджанцев, а также захватили Кельбаджар, Лачин, Кубатлы, Джебраил, Зангелан, Физули и Агдам с их окрестностями. Армянская сторона официально признает Агдам территорией Азербайджана, но фактически он находится под властью армян...

366-й мотострелковый полк, отдельный инженерно-саперный батальон и батальон химической защиты после вывода были расформированы. Не нужны правительству воинские части, которые видели конфликт с первого его дня. Таких частей быть не должно. Потому что ничего и не было... Потому что все хорошо...

В Союзе все спокойно...

Январь - март 2001г.

Опубликовано на сайте: artofwar.ru

ЕВГЕНИЙ САФАРОВ

ЧЕРНЫЙ ЯНВАРЬ

Воспоминания русского морского офицера о бакинской резне 1991 года

Часть I

Уже почти год улицы города украшают танки. Конечно же, они не везде, а только на участках, которые почему-то считаются особо важными. Кто определяет, что сейчас самое важное, неизвестно, но с обеих сторон железнодорожного моста, называемого в народе Багировским, на каждой обочине расположилось по десятку этих грозных машин, с небольшим добавлением БМП. Не думаю, что кому-то придет в голову захватывать или взрывать этот мост, но наверху, видимо, считают иначе. Экипажи живут в боевой технике, туда им доставляют пищу в термосах, и солдаты скармливают привезенное бездомным собакам. Собаки привыкли к постоянной и обильной кормежке, растолстели и далеко от танков не отходят. Солдаты играют с ними, когда выбираются наружу поразмять ноги. Сами воины с самого прибытия перешли на подножный корм, то есть снабжаются местным населением. Армяне таскают солдатам всякие вкусности, заглядывают в глаза с надеждой: "Вы ведь нас защитите?" Азербайджанцы не отстают, но вопрос у них другой, но тоже важный: "Вы ведь в нас стрелять не будете?"

- Конечно, не будем! - успокаивают их воины. - Если вы будете себя хорошо вести.

Азербайджанцев ответ не устраивает, и они уходят, чтобы на следующий день, руководствуясь инстинктом торгашей, принести еще больше. Им нужны гарантии при любом развитии событий. Стволы некоторых машин еще с Нового года украшены елочными игрушками. В городе комендантский час с двадцати трех до пяти часов, полно военных патрулей. Они здесь на каждом шагу и, в отличие от мирного времени, с автоматами. Все знают, что при попытке не подчиниться требованию патруля он будет стрелять, и никто идти на нарушения не решается.

В остальном на первый взгляд все спокойно, предприятия заработали после возвращения рабочих-армян, изгнанных перед введением чрезвычайного положения. Тогда все стояло. Выгнали армян, русские стали паковать чемоданы. И руководство республики поняло, что без квалифицированных кадров не обойтись, и принялось уговаривать изгнанных вернуться, гарантируя им безопасность, а те имели неосторожность обещаниям поверить и вернулись. Бакинцы к чрезвычайке привыкли, а вот приезжие сразу замечали царящее в городе напряжение и удивлялись тому, что в таких условиях можно жить и работать. Все, в том числе и азербайджанцы, считали, что кровь не пролилась только благодаря первому коменданту города. Старый вояка сразу понял, с кем имеет дело, и на требование руководства Народного фронта убрать всех инородцев, немного подумав и что-то

подсчитав в уме, поведал борцам за чистоту расы, что ему достаточно четырех суток для эвакуации некоренных жителей, после чего он превратит город в мусульманское кладбище. Желających экспериментировать не нашлось, и "народные защитники" сразу попрятались. О генерале же все говорили с уважением. На флотилии отобрали несколько офицеров-армян (по принципу знания языка и традиций) и откомандировали в НКО агитировать за примирение.

Мой однокашник капитан 2 ранга Юрий Макаров был в их числе и по возвращении рассказывал:

- Ну как я могу их переубедить, когда простой водитель автобуса на линии Степанакерт-Агдам резонно спрашивает, почему в Баку ему установили план вдвое больший, чем водителю-азербайджанцу на той же линии, но работающему в Агдаме. Они там убеждены, что их хотят выжить из НКО, как раньше выжили из Нахичевани. А между тем нам показывали церкви и могильные плиты тех времен, когда об Азербайджане даже слухов не было. Миссия потерпела неудачу.

Масла в огонь подлила центральная пресса, сообщив на страницах одной из газет информацию о продаже на известном аукционе самой древней географической карты. Фотография карты прилагалась, а на ней Армения от Черного и Каспийского моря и никакого Азербайджана. За одну ночь с машин "скорой помощи" исчезли красные кресты и на их месте возникли полумесяцы. А среди бела дня на глазах у всех в центре города толпа сожгла армянскую церковь, священника избили, а пока церковь горела, воспользовались лестницами прибывших пожарных машин и срубили на ней все кресты. Этого им показалось мало, и в дополнение был тут же раскурочен фонтан "Семь красавиц", украшающий площадь. Оставили только азербайджанскую красавицу. По христианскому кладбищу, почему-то называемому Армянским (там хоронили немусульман), прошлись бульдозерами. Республиканские газеты в те дни писали: "В Армении специально не трогают наших мечетей и кладбищ, чтобы говорить, что мы - звери и варвары, а они - цивилизованная нация!" Вот так - не больше и не меньше. В городе появились азербайджанцы - беженцы из Армении. Их называли еразами (в смысле ереванскими азами). Я сам видел передачу азербайджанского телевидения, на которой их представители рассказывали, что их никто не выгонял, наоборот, уговаривали остаться, но они, опасаясь оказаться крайними за бесчинства своих соплеменников, предпочли уехать. Все усилия ведущего передачи добиться от них обвинений в сторону армян успеха не имели. Еразы не понимали, чего от них добиваются, и лгать не хотели, а передачу опрометчиво пустили в прямом эфире. Неожиданно город загудел, как растревоженный улей.

- Топ Хана! Топ Хана! - только и слышно на улицах. Что такое "Топ Хана", никто толком не знает.

Пытаюсь выяснить, что послужило поводом для волнений.

- Топ Хана для азербайджанцев - это то же самое, что Бородино для русских! - просвещает меня мичман Керимов Зейнал Агабаба-оглы, еще год назад требовавший у меня справку, освобождающую его детей от изучения азербайджанского языка. Тогда я потратил немало времени, убеждая его, что занятия по родному языку не могут быть лишними, а пытаюсь уклониться от них, они лишь настроят против себя учителей и одноклассников.

- Вы прям как их директор школы рассуждаете, - возражал он. - А я сказал ему, что хочу, чтобы мои дети получили нормальное образование и стали приличными людьми, а не торгашами и жуликами, а для этого им нужен русский, а не азербайджанский язык. Теперь в нем неожиданно проснулось чувство патриотизма.

- Что-то не припомню, чтобы Азербайджан с кем-нибудь воевал, - искренне изумился я, - тем более кого-то побеждал. Насколько я знаю историю, Азербайджан всегда сдавался без боя. У вас и национальный герой Искендер Двугорий, больше известный как Александр Македонский! Вон вся станция метро "Низами" мозаиками по произведениям о нем

украшена: "Искендер и пастух", "Искендер и Лейла". О каком азербайджанском Бородино ты говоришь? Откуда ему взяться?

Скоро история с Топ Ханой прояснилась. Оказывается, действительно есть место с таким названием. Никакой победы там никто, естественно, не одерживал, а представляет оно собой ничем не примечательную местность с небольшой рощей, где-то не то на территории НКО, не то рядом с административной границей. Вот эту самую рощу и вырубали. Какая в этом была необходимость, никто не знал, но рабочие, проводившие вырубку, были армянами, и этого было достаточно. А вот нанял их и руководил "поруганием святыни", как позже выяснилось, азербайджанец. Его искали. Но, естественно, не нашли. Только с Топ Ханой разобрались, как новая история приключилась.

Небольшая речушка разделяла два селения - азербайджанское и армянское. Там все и произошло. Жители азербайджанского села метались по улицам и вопили, что проклятые армяне заманили к себе их подростка и убили его. Кто взбаламутил людей и откуда поступила информация, было неясно. Не особо раздумывая, жители вооружились и двинулись к соседям вершить правосудие. Женщины рвали на себе волосы, мужчины грозились полностью вырезать армянское село. Численное превосходство примерно в пять раз и фактор внезапности, поскольку соседи ничего не подозревали, придавали нападающим смелости. Остановить толпу не удалось срочно приехавшему секретарю райкома партии. Спасла положение женщина, председатель колхоза, депутат Верховного Совета республики и Герой Социалистического Труда (увы, не помню ее фамилии). Она бросила перед ревущей толпой свой головной платок, и толпа остановилась. По азербайджанскому обычаю, дерущихся мужчин может разнять уважаемая женщина, бросив между ними платок. Тут к ней и секретарь райкома присоединился. Выхватив из толпы самого горластого, он предложил ему и еще нескольким представителям отправиться вместе с ним к соседям и выяснить, что там произошло, пригрозив: в случае, если сведения об убийстве подростка окажутся провокацией (знал секретарь свой народ), передать крикуна в руки милиции. Как и куда исчез горластый, никто не заметил, выяснили только, что в селе его никто не знает. В это время за рекой раздался выстрел. Перебравшись через речушку, установили, что при попытке под шумок ограбить местную сберкассу убит их неоднократно судимый односельчанин. Но это не имело значения. Главное - он был азербайджанцем, а убили его в армянском селе. Пресса подняла страшный шум. Облом наступил тогда, когда следствие установило, что вора пристрелил милиционер, хоть и живший в армянском селе, но чистокровный азербайджанец. Потерпев неудачу еще в нескольких подобных случаях, работающая на Народный фронт Азербайджана пресса вплотную взялась за еразов. Газеты и телевидение трубили об их бедственном положении и предлагали потребовать от руководства Армении за счет республики построить для них жилье на территории Азербайджана. Решать проблему помощи им взялись проходимцы всех уровней. Однажды по пути домой я наблюдал такую картину. Во дворе, где находился наш ЖЭК, табором расположилась группа еразов. Группа была небольшая, но шумела сильно. Дирижировал этим спектаклем начальник ЖЭКа - известный вор и взяточник. По его сигналу женщины щипали детей, и те орали во все горло. Качая головой с трагическим видом, дирижер, обращаясь к собравшимся, на шум говорил, что придется расселить несчастных беженцев, уплотнив армян и русских, занимающих чрезмерно большую площадь. Азербайджанцы из зевак шумно одобряли его инициативу, ведь им уплотнение не грозило. Пришлось вмешаться. Это оказалось для участников инсценировки так неожиданно, что удалось прекратить спектакль. Позже я узнал, что начальник ЖЭКа уже заготовил чистые бланки ордеров на квартиры армян, русских и военных и после резни в январе 1990 года продавал их еразам. Лето и начало осени прошли довольно спокойно. Азербайджанцы были заняты торговлей овощами и фруктами. Остальные воспользовались затишьем и стали уезжать. На станции отправки контейнеров образовались огромные очереди. Людей не останавливало даже то,

что перед отправкой контейнер поднимали краном и грохали оземь, превращая годами нажитое имущество в груды обломков. Искать управу на творимый беспредел было бесполезно, и каждый надеялся, что ему повезет и его имущество сохранится. Но везло немногим, и люди платили за то, чтобы их имущество не ломали. К ноябрю соотношение сил изменилось настолько, что рассчитывать на отпор бандитам уже не приходилось. И тотчас же возобновились митинги Народного фронта. Снова на площади перед Домом правительства горели костры, в бездействующих фонтанах резали и разделявали баранов, здесь же гадили.

Вывели на митинги людей с лозунгами, под которыми и я подписался бы: "До каких пор бесплатное образование и лечение у нас будут платными?", "Долой взяточников!" и т. д. Но под этими справедливыми словами говорили совсем о другом. Когда мне пришлось в голову сходить посмотреть на это действо, я сначала даже не поверил своим глазам и ушам. Руководил всем на площади некто Панахов. Утверждали, что он был простым рабочим на заводе им. лейтенанта Шмидта. Вот этот самый рабочий, взобравшись на трибуну, с которой руководство республики обычно наблюдало за парадами и демонстрациями, дирижировал толпой, как оркестром. Оркестр был азербайджанским национальным, и потому исполнял что-то совершенно непонятное нормальному человеку, как непонятны их мугамы европейцу. Поднимет Панахов руку, и толпа затихает, опустит - взрывается диким нечеловеческим воем.

- Кто сейчас не сядет, тот не азербайджанец! - взывает Панахов, и тысячи людей послушно садятся на асфальт.

- Теперь все азербайджанцы пусть встанут! - глубокомысленно изрекает этот выродок, и толпа вскакивает, готовая растоптать того, кто не выполнил команду.

- Гардаш (брат) ! - просит пожилой азербайджанец. - Помоги встать. Поясницу прихватило, - а в голосе его страх перед расправой за недостаточную лояльность.

Так ковалось единство нации. А одному знакомому армянину сосед-азербайджанец за игрой в нарды сказал, что если опять будут гнать и убивать армян, то он сам его зарежет, чтобы никто не мог заподозрить его в дружбе с врагом азербайджанского народа. Так и случилось. Среди обычной галиматши с трибуны прозвучало: "Во всем виноваты армяне! Смерть неверным собакам!" - и по городу начала гулять резня.

А пока ограничивались разговорами, хотя все знали, что на заводах почти открыто изготавливали оружие, готовились списки адресов армян и военных - первая очередь, и русских - вторая. Обе стороны стали проявлять повышенный интерес к истории, где пытались отыскать хоть что-нибудь в свою пользу.

После провала версии с Топ Ханой азербайджанская сторона вдруг заговорила о родстве с персами (Иран), вспомнили персидского царя Дария, притязавшего на завоевание мира, но 300 спартанцев еще раз сбили спесь теперь уже с новоявленных персов. Пришлось искать других героев. Для облегчения поисков прорвали границу с Ираном и принялись шастать туда - погостить. Разговоры о родстве прекратились, как только выяснилось, что населяющие северный Иран (Южный Азербайджан, как его называли на этой стороне границы) азербайджанцы не только живут крайне бедно, но и считаются людьми второго сорта, даже говорить на родном языке им запрещено. Иранские азербайджанцы также посетили приграничные районы и смели с прилавков лопаты, мотыги и прочий сельскохозяйственный инвентарь. Новоявленные родственники им не понравились.

- Богато живут, - говорили гости из Ирана, - а им все мало. Работать не хотят, только воруют и обманывают. У нас им давно руки поотрубали бы.

А обманывали их лихо. Один знакомый азербайджанец, сам сбегавший почти до центральной части соседнего государства, рассказывал, что вместо денег с ними зачастую расплачивались старыми лотерейными билетами, пользуясь тем, что забытые родственники понятия не имели о том, как выглядят советские деньги, и шли с ними через границу за покупками, а там над ними смеялись. Одним словом, не сошлись характерами. Пришлось искать новую родню, и азербайджанцы заявили, что они турки.

- Турками нас даже армяне называют, - аргументировали они. - За нас против армян будут воевать "Серые волки" (боевая организация радикальных мусульман в Турции). Но и тут им не повезло. Турки от такого родства отказались, выступил по радио один из высокопоставленных турецких чиновников и сказал, что вообще не знает в мусульманском мире такого народа, что когда Османская империя расширяла свои границы за счет соседей, то за ее армией тащился всякий сброд, промышленный мародерством и грабежами на захваченных территориях. Вот они-то и были предками азербайджанцев, а занимаемую территорию им турки подарили, но признавать их себе равными не собираются. Это выступление надолго отбило у азербайджанцев охоту ворошить историю и родню там искать.

Мы как раз со старшим лейтенантом-азербайджанцем чай в кают-компании пили, когда это выступление передавали. Нелегко ему было узнать, что его предки были проходимцами и достойного места в мусульманском мире им не занять. На следующий день он сам рассказал сослуживцам об услышанном.

Армяне в своих исследованиях так далеко не забирались, считая, что доказательств их древней культуры более чем достаточно, зато откопали какого-то царского генерала Андроника, который во время резни то ли пятого, то ли пятнадцатого года со своим корпусом пришел на помощь армянам, прогнал турок и собирался перебить азербайджанцев, активно помогавших туркам грабить и убивать (в силу генетической памяти), но незлопамятные армяне по просьбе азербайджанских старейшин за соседей заступились.

- Смотрите, - якобы сказал им генерал, - когда они вас снова резать будут, за мной не посылайте. - Сказал и отправился дальше турок бить. Только он ушел, как азербайджанцы опять за свое принялись. Отблагодарили поручителей. Андроник вернулся и погромщиков перебил. И еще его доводы: при царе азербайджанцев на военную службу не брали по причине слабого умственного развития, трусости и продажности.

Так мы и жили. Комендантский час отменили, войска вывели, оставив только части, постоянно дислоцирующиеся в республике, сохранив им повышенную боевую готовность. А на заводах продолжали делать оружие. Когда все закончится, это оружие выставят на обозрение в гарнизонном Доме офицеров. А пока шла подготовка.

Тут случилось землетрясение в Армении. В один день весь мир узнал о неведомых до этого городах Спитак и Ленинакан. С содроганием смотрели люди репортажи с места трагедии, отовсюду предлагали помощь, а азербайджанцы праздновали это событие с фейерверками и танцами на улицах, с криками "Слава Аллаху!". Советский Союз еще не был разрушен, все республики обязали послать помощь в зону бедствия, и Азербайджан послал железнодорожный состав с топливом. На цистернах было написано: "Поздравляем с землетрясением! Желаем повторения!" Состав отослали назад, и стало ясно, что примирения не будет. Такого не забывают и не прощают.

Новый год встретили спокойно, но напряжение нарастало с каждым днем. Дней через десять на всех кораблях изъяли стрелковое оружие, погрузили на законсервированный СДК и отбуксировали на рейд, где и поставили на якорь, оставив для охраны двух офицеров и четырех матросов. Кто распорядился разоружить нас перед самыми событиями, неизвестно до сих пор. Накануне старого Нового года нам выдали денежное довольствие и разрешили отпустить половину офицеров и мичманов отвезти деньги семьям.

Я поехал во вторую очередь, 13 января. Передав матери деньги, я зашел к родителям моего старого друга. Сам друг давно жил в Москве, а родители и дочь оставались в Баку. И были они, увы, армянами. Вот я и отправился предупредить их об опасности и посоветовать уехать хотя бы на время. Отец друга, подполковник железнодорожных войск в отставке, заслуженный инженер республики, награжденный орденом "Знак Почета" за строительство большинства железных дорог в республике, не верил, что его могут убить в родной стране только за национальную принадлежность. Там я застал друга дочери, его

недавно сбила машина, нога была в гипсе, и он отлеживался у них. Олег, так его звали, занимался видеосалонами. Был тогда такой бизнес. Он скептически отнесся к моему совету уехать, стал уверять, что им ничего не грозит, что все его партнеры по бизнесу - азербайджанцы, при необходимости прикроют, поскольку он у них за главного, и, кроме того, он наполовину еврей, а евреев азербайджанцы считают своими. Только он изложил свои доводы, как раздался телефонный звонок. Трубку снял Георгий Яковлевич, молча выслушал, побледнел и сказал:

- Балаянов громят! Бэлу избили, сына куда-то увезли, а дочь за волосы таскают по двору. Значит, сейчас и к нам придут. (Балаяны - это семья его приятеля и сослуживца, к тому времени уже умершего.)

Я предложил им немедленно идти к нам, русских еще не трогали, а мою мать принять за армянку мог разве что слепой. Но семидесятилетние люди настолько растерялись, что были совершенно не способны пройти два квартала до моего дома.

Второй телефонный звонок касался уже меня. Мать сообщала, что звонили из части, на флотилии объявлена боевая тревога, и мне надлежит немедленно прибыть на корабль, а еще звонил мой мичман и сказал, что он за мной заедет. Уйти сразу я не мог, пришлось подождать, пока приедут вызванные Олегом приятели, и, убедившись, что семьей друга занимаются, я отправился домой. Я еще успел переодеться, пока подъехал мичман на своей машине.

По пути мы видели, как действуют погромщики. Группы молодых вооруженных азербайджанцев численностью человек по двадцать-тридцать врываются в квартиры армян, зверски убивали хозяев, не считаясь с возрастом и полом, после чего приступали к грабежу. К ним с энтузиазмом присоединялись соседи жертв, тут же захватывая освободившуюся квартиру, дрались между собой, не поделив что-нибудь из награбленного. Трупы выбрасывали из окна, и на улице над ними продолжали глумиться. Женщин и мальчиков, прежде чем убить, по очереди насиловали на глазах у всех. Дети не отставали от взрослых, тащили все, что могли унести, под одобрительные крики родителей. На площади Украины примерно сорок этих зверей насиловали пятнадцатилетнюю армянку, сменяя друг друга под восторженное улюлюканье их же женщин и детей. На улице Камо на балконной решетке распяли девочку лет десяти, она висела там до самого ввода войск. Около кинотеатра "Шафаг" на костре живьем жгли детей.

А мы бездействовали. Люди бежали к нам за помощью, а командование флотилией давало только одно приказание: "Ждать команды!" Правда, людей пропускали на территорию флотилии, но я не уверен, что это делалось с ведома командования. С началом погромов произошло и первое нападение на военных. С десятков местных захватили детский сад, в котором было много детей офицеров. Потом они говорили, что собирались прикрываться детьми, если военные начнут действовать, или менять их на оружие. Одной из воспитательниц удалось выскочить на улицу и сообщить об этом группе офицеров, спешащих по тревоге в часть. Ребята не стали дожидаться решения командования и бросились на выручку. Все было сделано так стремительно, что эти суки растерялись и были обезоружены голыми руками.

На следующий день толпа примерно в пять тысяч особей приблизилась к территории флотилии. На кораблях передали приказание организовать оборону. Очень разумное приказание, если учесть, что оружия ни у кого не было.

- Что делать будем? - спросил прибежавший ко мне командир СКР, стоящего на ремонте. - Ты не сможешь меня из гавани вытащить? (Ремонтирующийся корабль лишен хода, боезапаса, топлива, и вообще у него мало что работает.)

- Только от стенки смогу оттащить, а в канал мы вдвоем не поместимся. Разворачивай орудия на ворота завода. Они оттуда пойдут. Попробуем на испуг взять.

Орудия сторожевика развернули вручную, а мы нарубили кусками кабель берегового питания, получились неплохие дубинки.

- Дожили! - констатировал один из матросов. - Флот дубинами воевать собрался.
- Ничего не поделаешь, будем отбиваться до последнего! - пытался ободрить я подчиненных. - Попадать им в руки живыми нельзя, ремней со спины нарежут. В крайнем случае, попробуем выйти в море, если они фарватер не заблокировали. Оборудовали ложные пулеметные гнезда. В общем, создали грозный вид. К счастью, до схватки не дошло. Даже этим ослам не пришло в голову, что нас заранее разоружило собственное командование, а целый корабль, загруженный под завязку стрелковым оружием, как специально им подставило - бери не хочу. Вот они и не отважились нас штурмовать, остановились на подходах, подогнали бензозаправщики к жилым домам и, угрожая сжечь их вместе с людьми, приступили к переговорам, одновременно занявшись более безопасным занятием, чем стычка с войсками, - выбрасыванием младенцев из окон роддома им. Крупской.

Часть II

В это же время была предпринята попытка захватить Военно-морское училище. На требование нападавших выдать офицеров-армян и их семьи на расправу начальник училища вице-адмирал Архипов продемонстрировал готовность к отражению любого нападения и пообещал перебить всех до единого, если они посмеют двинуться с места. Решительность адмирала и свежая еще память о действиях курсантов в Сумгаите остудили пыл нападавших, и они ретировались. Больше в училище они не совались. К нам прибыл Главнокомандующий Военно-Морским Флотом и депутат Верховного Совета СССР от Ленкорани адмирал флота Чернавин с группой офицеров Главного штаба ВМФ. Третий день резни, 15 января, начался со страшного грохота. Сначала послышался звук, напоминающий взрыв, потом гул, и новое здание штаба флотилии на Баиловской шишке исчезло в облаках пыли. Штаб сполз по склону, разрушив и засыпав обломками столовую береговой базы бригады ОВРа. Официально причиной обрушения штаба стал оползень, однако время случившегося вызвало сомнения в правдивости этой версии. От штаба уцелела одна стена с балконом и Главкомом на нем. Он как раз вышел на балкон осмотреться, а возвращаться ему оказалось некуда. Под обломками зданий погибло 22 человека, и среди них мой хороший товарищ - капитан 3 ранга Виктор Зайченко. Его задавило перекрытием в кабинете на втором этаже столовой. У Вити осталось трое сыновей. Остальных засыпанных нам удалось откопать, покалеченных, но живых. Оползень по времени совпал с началом завтрака личного состава, но, к счастью, завтрак по какой-то причине задержался и людей еще не привели. Если бы не эта задержка, жертв было бы намного больше. А так под обломками оказался лишь камбузный наряд да те, кто находился в помещениях столовой. Раскапывали развалины в основном вручную. Из города пригнали несколько кранов, но крановщики-азербайджанцы вывели их из строя, и, бросив сломанные машины, смылись. Я пришел на разбор завалов с десятью матросами в сопровождении начальника вспомогательного флота капитана 2 ранга Тараева, командира 75 группы судов обеспечения капитана 3 ранга Анисимова и инженер-электрика капитан-лейтенанта Грибанова. Позже вы поймете, зачем я всех их перечислил. На них сразу напустился начальник штаба флотилии контр-адмирал Зинин (вскоре он станет командующим и вице-адмиралом и очень озаботится своим внешним видом после выхода из азербайджанского плена).

- Что вы вырядились, как на прогулку? - орал он. - Мне тут руководители не нужны! Здесь нужны рабочие руки, камни таскать!

Минут через пять с места раскопок смылся Тараев, а следом за ним Анисимов и Грибанов. Вечером Анисимов прислал передать мне, чтобы мы заканчивали работу и возвращались, так как пришла моя очередь заступить на вахту по охране части, а они уже свое отстояли и нуждаются в отдыхе.

А в городе продолжалась резня. Территория флотилии забита людьми, ищущими у нас защиты. Здесь и армяне, и русские, и даже азербайджанцы, не желающие в резне

участвовать и опасаящиеся, что за это с ними могут расправиться. Мы размещаем их везде, где только можно, но люди все прибывают, места не хватает, и многие стоят под открытым небом, лишь бы отгородиться от взбесившегося города.

Так продолжается до 19 января. Наконец нам возвращают оружие. Ожидается ввод войск в город, а мы должны будем их прикрывать. До сих пор удивляюсь, как азеры не догадались захватить корабль с оружием и перебить нас всех. Наверное, плохо сработала разведка, а может быть, они просто были более высокого мнения о нашем начальстве, чем оно того заслуживало.

В ночь с 19 на 20 января в город стали входить войска. Шли они с трех направлений, сметая на своем пути баррикады. Из окон по ним стреляли. И что интересно, эти окна были в квартирах русских и армян, чтобы ответным огнем не повредили квартир азербайджанцев. Вполне в духе аборигенов. Улицы перегорожены баррикадами из грузовиков, перед ними две линии людей: первая из связанных по рукам между собой армян, вторая из женщин, стариков и детей - жителей близлежащих домов. Позади баррикад притаился микроавтобус с полутора десятками вооруженных бандитов. Когда к баррикадам подходят танки, на броню головной машины выбирается майор-танкист с мегафоном:

- Граждане! - обращается он к толпе, не зная, что большая часть людей - заложники. - Разойдитесь и освободите дорогу. Неужели вы не понимаете, что для танков ваши баррикады не препятствие? Мы ведь все равно пройдем!

В ответ из-за баррикад раздаются автоматные очереди. Майор и несколько солдат падают на землю. Первые боевые потери. Расстреляв патроны, бандиты спешно грузятся в микроавтобус, и он скрывается в узких улочках окраины. Взревели моторы, и танки двинулись на баррикаду. Местных азеров из второй линии защиты как ветром сдуло. С первой линией сложнее, армяне там связаны, путаются в веревках, падают. Кто-то из офицеров замечает, что перед колонной заложники, и останавливает движение. Спешно перерезают на заложниках путы и советуют им идти домой.

Офицеры вводимых войск не знают истинной обстановки в городе и не понимают, что у этих людей больше нет дома. Вот они и бегут рядом с танками, им больше не на кого надеяться, и они бегут из последних сил, зная, что если отстанут, то их добьют, и веря, что советский солдат не позволит убивать советских людей. На месте баррикады остаются покореженные грузовики. На одном надпись: "Так будет с каждым, кто встанет на пути!" Во вводимых войсках много призванных из запаса так называемых партизан. Их кое-как переодели, вручили оружие без боеприпасов и послали восстанавливать порядок. Патроны обещали выдать на месте. По пути их обстреливают. В городе идет ночной бой. Трассеры прочерчивают небо во всех направлениях, войска стреляют в воздух, а по ним ведется прицельный огонь из-за угла, с крыш, с окон. На притященном с рейда СДК выдают оружие и боеприпасы. Выдают, сколько попросишь, под простую подпись в ученическую тетрадь. Достаточно называть любую фамилию и звание, и получай, что хочешь. Большим спросом пользуются автоматы и пулеметы калибра 7, 62, никто не хочет брать ночные прицелы, за них, если что, потом не расплатишься. Район военного порта перекрывается блок-постами. Но с моря мы блокированы судами Каспийского пароходства. Достаточно затопить пару судов на фарватерах, и мы окажемся намертво запертыми в бухте. После этого можно вылить с танкеров и нефтяных терминалов топливо в море и поджечь. Никто не уцелеет. Потом говорили, что план изжарить нас заживо у них был, но осуществить его они не успели или не решились, опасаясь, что огонь перекинется на город.

А пока гражданские суда с бандитами пытаются перегордить нам выход, став на якоря вплотную к нашим пирсам. По команде они готовы дать ход и таранить наши корабли у пирсов. На таком расстоянии вооружение кораблей бесполезно, да и применить его просто не успеют. Предложение расстрелять блокирующие суда, когда это еще было возможно, командующий отверг, сказав: "Не воевать же всерьез с этими хулиганами". Теперь ждем, решатся они нас атаковать или нет.

Бои в городе продолжают уже третьи сутки, то стихая, то возобновляясь с новой силой. Особенно сильная стрельба в районе Сальянских казарм. Там общеевойсковое училище и бригада ВДВ. Из этого училища курсанты-азербайджанцы (в последнее время их стало подозрительно много) воюют против нас. Взорвана подстанция телецентра, телепередачи надолго прекращены. На четвертый день азербайджанская сторона запросила перемирия, чтобы похоронить своих убитых. Для этого они просили прибывшего в Баку министра обороны маршала Язова убрать войска с улиц города. Язов просьбу уважил, танки и солдаты спрятались за заборами предприятий. А еще они попросили совсем убрать с улиц части, дислоцирующиеся в Баку, справедливо рассудив, что от видевших своими глазами все их бесчинства пощады ждать не приходится. Мне один матрос, до этого отличавшийся флегматичностью, говорил сквозь слезы: "Я буду уничтожать их всех! Они не люди! Они не имеют права жить на земле!" А я успокаивал его, говорил, что не все одинаковы, и сам себе не верил.

Похороны провели с особой помпой, по улицам бесконечным потоком к аллее почетных захоронений шло больше миллиона человек. Вот и судите сами - одинаковы все или нет. Особенно афишировали то, что среди убитых был русский подросток, погибший от шальной пули, когда выглянул в окно, и азербайджанская пара молодоженов: жениха или мужа (если успел им стать) убили в городе с оружием в руках, а невеста или жена, узнав о его гибели, покончила с собой. Потом эти могилы будут показывать всем приезжим как доказательство того, что армия убивала безоружных людей, и не только азербайджанцев. После этого многие стеснялись спрашивать о том, что стало причиной ввода войск. А мать погибшего русского парня легко понять: куда ей было деваться, когда к ней пришли и предложили похоронить сына. Сама похоронить его она не смогла бы, не говорю уже о том, чтобы вывезти тело в Россию, да и отказать просто побоялась. Насколько я помню, убитых было 123 человека, потери в войсках - 59. На месте погребения установили мощные громкоговорители, так что на полгорода было слышно, как Эльмира Кафарова (почти однофамилица), кажется, министр чего-то, обещала отомстить за погибших и клялась, что неверные захлебнутся собственной кровью. Неверные - это все мы.

В этот день я, переодевшись в гражданку, перевез на корабль свою мать, уверенный в том, что начнется охота за семьями военнослужащих. На коленях у меня, прикрытый курткой, лежал автомат, на случай, если нас засекут. К счастью, все обошлось, хотя машина несколько раз вынуждена была останавливаться на забитых до отказа людьми улицах, искать объездные пути, и местные с подозрением заглядывали в окно, мол, почему вы не с нами. На следующий день по городу распространился слух о том, что убито несколько тысяч человек, а трупы вывозят на кораблях флотилии и топят в море. К командующему явилась делегация за разъяснениями. Сам я при этом не присутствовал, но офицеры, там бывшие, рассказывали, что командующий вице-адмирал Ляшенко предложил им пойти на любой по их выбору корабль и самим убедиться в отсутствии там трупов.

- Те корабли уже в море, - заявили ему.

- Я сейчас передам на все корабли в море приказание лечь в дрейф, - сказал им адмирал, зная, что любые попытки убедить их бесполезны, - и вместе с вами на ракетном катере отправлюсь к ним. Но предупреждаю, что если трупов там не найдете, я буду считать вас провокаторами и прикажу утопить!

Может показаться, что подобное заявление было слишком жестким, но Ляшенко понимал, что перед ним провокаторы, и иначе их не остановишь.

Бакинская бухта отлично просматривается из города, выйти или войти в нее незаметно практически невозможно, азеры вели за нами непрерывное наблюдение и прекрасно знали, что за эти дни ни один корабль бухту не покидал, да и фарватеры были перекрыты. Они хотели разжечь страсти на чудовищной лжи, а он пресек эту попытку. Делегация ретировалась, но еще долго в республиканских газетах нас упрекали в загрязнении Каспийского моря трупами местных жителей. Начали эвакуацию семей военнослужащих и беженцев.

Эвакуация шла военно-транспортными самолетами с аэродрома Кала (гражданский аэропорт не работал) в Москву и Севастополь, и морем - в порт Махачкала. Первая же группа гидрографических судов с беженцами на борту подверглась нападению в районе острова Жилой. Два мощных трубоукладчика типа "Нефтегаз" пытались таранить слабые и безоружные гидрографы, битком забитые женщинами и детьми. В охранение гидрографам был придан артиллерийский катер (у пограничников он именуется ПСКР - пограничный сторожевой корабль, а у нас это всего лишь катер с двумя 30-мм зенитными установками АК-230), и на каждом гидрографе было по два офицера с автоматами. Мы слушали переговоры кораблей с командованием на УКВ.

- Топи этих русских собак! - орал капитан "Нефтегаза".

- У меня на борту двести пятьдесят женщин и детей! - сообщал им старший с гидрографа.

- А мне по... ! Топи!

- Меня пытаются таранить! - передавал старший командиру бригады ОВР капитану 2 ранга Виннику. - Осталось всего два кабельтова.

- Аз минуту (ждите), - отвечал Винник.

- Осталось всего сто метров. Я расстрелял все патроны. Дайте разрешение катеру на применение оружия!

- Аз минуту.

- У меня больше нет минуты. Командиру катера открыть огонь по трубоукладчикам! - взял на себя ответственность старший перехода.

Катер открыл огонь, разбил ходовую рубку одному, срубил мачту и прошел очередью борт второму. Первый потерял управление и врезался в основание буровой, второй застопорил ход и стал тушить возникший на судне пожар. За организацию отражения нападения на гидрографические суда флотилии в море так и не принявший решения о применении артиллерии капитан 2 ранга Винник был награжден боевым орденом и ему досрочно было присвоено звание капитана 1 ранга. Все как всегда!

На блокпостах нас сменили прибывшие с Черного моря морские пехотинцы, и плавсостав вернули на корабли. Морпехи и десантники приступили к обезвреживанию блокирующих фарватеры судов. Делалось это так: на борт поднималась группа десантников или морпехов во главе с офицером, и капитану приказывали открыть для досмотра помещения. Если он артачился, то тут же получал в морду и приказание исполнял. Потом об этом на Азербайджанфильме художественный фильм "Апперкот" сняли, только в нем вместо военных пионеры действовали. А тогда центральное телевидение показывало, как на этих судах находили горы оружия, сберкнижки на предъявителя по пять тысяч каждая, на миллионы рублей для оплаты бандитов и людей с бандитскими рожами. Арестованных, как дрова, укладывали в кузова грузовиков и отвозили для разбирательства в МВД. Занималась ими большая группа офицеров КГБ и МВД СССР. Но как только они уехали, все бандиты оказались на свободе.

Мы занимались охраной пирсов, кораблей. Офицеры несли вахту как матросы и еще сопровождали колонны беженцев на аэродром. У армейцев это было поставлено лучше: впереди и позади колонны шли БМП с развернутыми в разные стороны стволами, сопровождали БТР с автоматчиками. А у нас колонна шла без прикрытия, если не считать "уазика" с четырьмя офицерами, да еще в кузов каждой машины сажали по три матроса с автоматами. Мы высаживали матросов и занимали их место. Так было надежнее. При отправке первой же колонны возник конфликт. Мичман - дагестанец, угрожая открыть огонь по машине с людьми, стал требовать, чтобы его жену и ребенка отправили в первую очередь. Успокаивал его прибывший из Москвы капитан 2 ранга Коля Уваров. Он выпускался на год раньше меня, и мы были знакомы, но он меня, кажется, не узнал, а я подходить не стал, посчитав момент неподходящим. Коля продемонстрировал возбужденному мичману, что у него нет никакого оружия, пообещал, что следующим рейсом его семью отправят, и конфликт уладил.

Потом мы спорили по этому поводу. Многие считали, что мичман был прав, потому что в первую очередь, как всегда, отправляли семьи политработников, кадровиков и штабных начальников. Я придерживался мнения, что если каждый из нас начнет, угрожая оружием, требовать для себя особых условий, то азерам нечего будет делать, так как мы сами друг друга перестреляем. Зато когда в теплом отсеке транспортного самолета обнаружилась мебель одного большого по нашим меркам политбойца, в то время когда женщины с детьми сидели в холодном грузовом отсеке, я с превеликим удовольствием принял участие в выбрасывании его имущества прямо на бетон.

А политбоец стоял в сторонке и смотрел, изредка говоря что-то на ухо жене, наверное: "Молчи! Они сейчас и пристрелить могут!" Неожиданно выяснилось, что начальник тыла капитан 2 ранга Франчук наладил торговлю сухими пайками, предназначенными для раздачи беженцам. Он им их и раздавал, только за плату, и ему потом за это ничего не было. Кому война, а кому мать родная. Живут же такие суки.

Был у нас блокпост, к которому местное зверье не приближалось на расстояние видимости. Командовал им капитан 2 ранга Ванька Аветисян. Армянского в нем, кроме фамилии, ничего нет. Курносый, рано лысеющий, крепко скроенный, с железными кулаками любителя восточных единоборств, привыкший действовать, не особо утруждая себя раздумьями, он разгуливал по блокпосту с двумя автоматами. Когда у него спрашивали, зачем ему два ствола, он резонно отвечал: "Один быстро нагревается!" - и готов был стрелять в каждого, кто приблизится к блокпосту на расстояние выстрела. Азеры об этом знали и к его блокпосту не приближались. А были и ухари, которые, сидя на крыше пятиэтажного дома в охранении, нажравшись водки, затеяли спор, попадут или нет из пистолета в бродячую собаку, ищущую пропитание в мусорном баке метрах в 50 от них. И знаете, попали. Недели через две их уволили, благо главком здесь же находился, обставив процедуру торжественно, со срыванием погон на собрании офицеров.

На 75 ГСО внешне все выглядело благополучно. На внешние объекты посылать почти перестали, занимались охраной пирсов и кораблей. Как-то случайно узнал, что мой подчиненный Хидешели оставил пост, не дождавшись смены. Мотивировал он свои действия тем, что ждать капитана 3 ранга Дубовского бесполезно, ибо он в полной отключке, а стоять вахту за другого он не намерен. То, что вся группа кораблей и люди на них остались без охраны, Хидешели ни в малейшей степени не волновало. Дубовского я обнаружил в совершенно невменяемом состоянии. Пришлось взять вахту на себя. К этому времени бандитов выкуривали из мест, где они пытались укрыться. Паромы через Каспий стали одним из таких мест. Делалось это так: в грузовой трюм парома на полном ходу влетала БМП и производила холостой выстрел своей пушчонкой. Пустой трюм срабатывал как резонатор, эффект получался, как от выстрела в бочке, и оглохшие бандиты сдавались.

Часть III

Столкнувшись с силой, привыкшие убивать беззащитных людей бандиты стали действовать иначе. Теперь они нападали на отдельных военнослужащих и охотились на членов их семей, были случаи нападения на колонны с эвакуируемыми. Блестяще работала военно-транспортная авиация. Самолеты садились и взлетали в любую погоду и с предельной нагрузкой. До 25 января было вывезено около полумиллиона беженцев. Несмотря на предельное напряжение сил, людям приходилось ждать самолетов по несколько часов под открытым небом, а погода, как назло, была мерзкая, мокрый снег и сильный ветер. Люди мерзли, дети плакали, некоторые готовы были вернуться домой, несмотря на опасность, лишь бы этот кошмар закончился.

- Лучше бы нас убили! - говорили нам. - Куда вы нас отправляете? Измучаете только, а нас там никто не ждет!

Они были правы. Мать потом рассказывала мне, что в Октябрьском исполкоме Самары какая-то чиновница сказала прибывшим из Баку сорока членам семей военнослужащих:

"Что ж вас там всех не поубивали? Теперь возись с вами. Небось еще и на жилье претендовать будете?"

Через некоторое время мне представилась возможность убедиться, что она была не одинока в своем мнении. Когда я пришел в горисполком, при котором специально был создан штаб по делам беженцев и вынужденных переселенцев, еще одна чиновная дама, предварительно с издевкой поинтересовавшись, не я ли являюсь беженцем, на все вопросы о жилье для матери отвечала:

- По месту работы, в порядке общей очереди.

Поскольку я даже не заикался о государственном жилье, а говорил о кооперативной квартире, за которую мог и готов был заплатить, ее реакция меня вначале удивила. Постановление правительства обязывало местные органы власти предоставлять как государственное, так и кооперативное жилье беженцам вне всякой очереди.

- На какой работе? Вы сами-то понимаете, что говорите? Моей матери под семьдесят, она потеряла все, а вы несете какую-то чушь об очереди. Или для вас постановление правительства СССР не указ?

- Я же вам сказала: в порядке общей очереди по месту работы! - тупо повторяла она.

Пока мы совершали вояж в Самару, в Баку принялись за памятники. Мемориал 26 бакинским комиссарам, внесенный ЮНЕСКО в список мировых культурных памятников, был мгновенно разрушен. Потом резво демонтировали памятник Кирову. К концу дня от Сергея Мироновича одни сапоги остались. Так и стояла над городом пара сапог до самого моего отъезда. Героев Советского Союза, выходцев из Азербайджана, тоже не пощадили. С энтузиазмом сдирали портреты инородцев со стендов. Начался массовый перевод политработников, кадровиков и обладателей "волосатых лап". Складывалось впечатление, что только они в боевых действиях и участвовали, а, может быть, они были сплошь армянами? В первых рядах убывающих к новому месту службы был капитан 1 ранга Близнюк, и на прощание ему из бывших сослуживцев никто руки не подал. Когда у нас отобрали оружие, я сказал командующему, вице-адмиралу Ляшенко, что не вижу смысла в службе в Баку без автомата, и он со мной согласился.

К этому времени мою квартиру не только разграбили, но и захватили, для возвращения жилья требовалось решение суда о выселении "новоселов", а в суде говорили буквально следующее: "Кто захватил? Азербайджанцы? Правильно сделали! Езжай своя Россия и там командуй, а здесь мы хозяева!!!" Меня переводили два года. За это время мне порезали две шинели и шесть раз нож слегка задел меня. Зато выработалась способность чувствовать опасность буквально кожей, благодаря которой удалось остаться живым.

После первого нападения начальство сказал, что мне совершенно незачем выходить в город и подставлять себя под ножи и пули, в смысле давать возможность бандитам свести со мной счеты. Совет был разумным, если учесть, что сами начальники жили в охраняемом доме рядом со службой и ходили домой, не подвергая себя опасности.

Получив совет, я о нападениях больше не докладывал, но в город выходил - в основном для того, чтобы разобраться с ограблением квартиры. В милиции тоже считали, что любой азербайджанец был прав, грабя квартиру, и добавляли, что если я буду продолжать качать права, то они организуют дело так, что виновным в ограблении окажусь я сам. По этому поводу командующий посоветовал мне с милицией не связываться, мол, все равно ничего не докажешь, надо ждать перевода, а кое-что приобрести в военторге (холодильник и машину, на которые я стоял в очереди. Машина была нужна для обмена. В то время новые "Жигули" в Самаре, куда эвакуировали мою мать, можно было обменять на квартиру). Но сказать легко, а сделать трудно. За холодильник грудью стали политработники - им хотелось прикупить еще по одному перед отъездом. А автомашины, приходящие во флотилию, исполняющий обязанности начальника тыла капитан 2 ранга Франчук продавал азербайджанцам и имел с этого солидный навар.

С переводом тоже возникли сложности. Примерно через год отыскалась должность в Самарском облвоенкомате. Перевод санкционировали министр обороны Язов и

командующий ПриВО генерал-полковник Макашов. Но в августе случилось ГКЧП, и мне сказали: "Язов в тюрьме, Макашова сняли, так что никого из давших "добро" на твой перевод не осталось. Будем другое место искать".

А еще неожиданно выяснилось, что мои документы утеряны, а потом пришедший к власти в России Ельцин объявил флотилию российской, но, наверное, для удобства решение дел военнослужащих россиян передал под юрисдикцию Азербайджана. Вот это да! Предали!

Именно в это время, пользуясь таким положением, азербайджанский суд приговорил лейтенанта общевойскового училища, применившего оружие при отражении вооруженного нападения на КПП училища и убившего несколько бандитов, к смертной казни. Больше года парень провел в камере смертников в ожидании расстрела, пока под нажимом общественного мнения в России (в основном газеты "Советская Россия") Гейдар Алиев вынужден был передать его российской стороне. К сожалению, фамилия этого лейтенанта в моей памяти не сохранилась. А сколько еще таких, как он, были преданы и на Родину не вернулись? Все это осталось тайной, в том числе и число жертв резни. Обо всех не расскажешь.

В середине декабря мне отложили отпуск и отпустили в него только под елочку, так что встречать Новый год пришлось в аэропорту. У воинских касс собралось довольно много офицеров, среди которых затесались и два милицейских старших лейтенанта из аборигенов. Два сержанта, десантники срочной службы, прибывшие с линии разделения азеров с армянами НКО, попросили пропустить их без очереди, так как их самолет улетает уже через три часа, и если они не успеют приобрести билет на этот рейс, то потеряют сутки отпуска. Все старшие офицеры ребят пропустили, а вот местные менты стали возражать, мол, мы, офицеры, стоять будем, а эти без очереди нороят.

- Имейте совесть, - пытался урезонить его один из офицеров, - они же вас сейчас там защищают!

- Мы сами себя защищаем! - высокомерно заявил абориген. - Вон сейчас семерых наших героев, погибших в НКО, хоронят.

- Ах ты сука! - не дал ему договорить сержант. - Героев вы хороните? Так этих героев мы расстреляли! Мы армянские деревни зачищали. Армяне против русских не воевали и при нашем приближении отходили. В деревне оставались старики, женщины и дети. Прошли мы деревню, слышим в тылу у нас стрельба. Вернулись, а эти вонючие герои грабят и женщин насилуют. Вот мы их к стеночке и притулили. Таких вот героев они с почестями хоронят.

Для меня рассказ сержанта был неожиданностью. Я считал, что войска лишь разделили враждующие стороны и не выступают на чьей-то стороне. В этот год участились переходы десантных кораблей в Махачкалу, начальство вывозило свое личное имущество, дальше отправляя его контейнерами туда, где приобрели себе квартиры. Простым смертным этот путь был заказан. Мне на корабль для службы прислали двух полных уродов: азербайджанца и лезгина. Вот тут-то и началась веселая жизнь. В отношениях этих двоих между собой не было ничего человеческого.

- Запорожец не машина, лезгин не мужчина! - высокомерно заявлял азербайджанец Шахин Идрис Оглы Бадалов.

- Чушка! - не оставался в долгу лезгин Шаик Абдуллаев. Презируя друг друга, они были едины только в мусульманской солидарности против иноверцев и отсутствии желания утруждать себя повседневной службой. Оба в один голос заявляли, что для сдачи зачетов на допуск к самостоятельному исполнению должности им потребуется минимум пять лет, так как аппаратуру корабля они не изучали, а такие мелочи, как устройство корабля, борьбу за живучесть и прочую ерунду, вообще считали изучать для себя излишним, поскольку они и так офицеры. Вот такая жизнь.

С Бадаловым у меня еще будет история, но о ней чуть ниже. В очередной отпуск я опять отправился в декабре. В сберкассе наличными деньги выдавать отказались, пришлось

брать сертификатами. Подъем национального самосознания к тому времени достиг апогея, и даже рецепты пытались писать на азербайджанском языке. Вот мне и достался один сертификат, в котором время вклада - июль - было написано с азербайджанским акцентом, в смысле вместо "ю" было написано "j". У меня его потом не приняли, и десять тысяч еще советских рублей пропали. Правда, остальные тоже брать не хотели, говорили, что из-за границы бумаги не обналичивают. Пришлось долго объяснять, что я офицер Российского флота и пока служу за рубежом, но платит мне Россия, прежде чем бумаги приняли, но обналичить даже незначительную сумму наотрез отказались. Здесь же я узнал, что уже есть приказ о переводе меня в областной военкомат. Зная, что отправить то небольшое, что у меня осталось, будет непросто, я прервал отпуск и на десять дней раньше вылетел в Баку.

Корабль опять был превращен в общежитие для многочисленной родни Бадалова. На корабле уже находился мой сменщик, но он ничего не предпринимал, ждал, когда я сдам ему дела. В ходе сдачи дел и обязанностей стали выясняться странные вещи. Вдруг оказалось, что отсутствует НЗ (неснижаемый запас продовольствия). Баталер сказал мне, что Бадалов раздал НЗ своим родственникам, а ему велел говорить, что якобы я приказал пустить НЗ в расход.

- Делай, как я говорю, - убеждал его Бадалов, - и все будет хорошо, начет на командира повесят.

Расчет его был верен. Начальники, не желая связываться с национальным кадром, пытались ответственность за НЗ возложить на меня. Но гражданский баталер из уклоняющихся от военной службы оказался честней, чем офицер-азербайджанец и все мои начальники вместе взятые. Он сам пошел в прокуратуру и все там рассказал. В результате Бадалову ничего не было, а НЗ решили восстановить за счет урезания пайка экипажу. Вот такое государственное решение. Так что я сдал корабль и стал пытаться отправить оставшееся после ограбления личное имущество. На контейнерной очереди на месяц вперед. Попробовал найти поддержку у командования, но ЧВС сказал, что никакого влияния на перевозки они не имеют, задерживать меня больше чем на три дня не имеют права и даже предоставить мне очередной отпуск не могут. Вкратце его речь сводилась к тому, что это только мои проблемы. Тут Бадалов и предложил подарить ему купленные уже после ограбления телевизор, холодильник и все прочее.

- Все равно не сумеете вывезти! - нагло улыбался он.

- Я лучше все это утоплю, чем такой мрази, как ты, оставлю!

- Еще посмотрим, удастся ли вам самому уехать, - ухмыльнулся он.

На следующий день, 31 января, я должен был улететь в Самару. Утром командир СР капитан 3 ранга Боря Левин предупредил меня:

- Будь осторожен! Я слышал, как Бадалов звонил куда-то и сообщал о времени, когда ты в аэропорт поедешь.

Боря - бакинский еврей, знает азербайджанский язык, а вот Бадалову этот факт был неизвестен, так что он говорил при Боре, не стесняясь.

Прежде чем ехать в аэропорт, я предупредил командование и прокурора о готовящемся нападении. Наивные, мягко говоря, начальники высказали уверенность, что, мол, местные не посмеют так нагло напасть на офицера Российского флота. О том, что я предупрежден, узнал и Бадалов, но ничуть не озаботился этим, напротив, нагло заявил, что узнает, кто меня предупредил, и кишки ему выпустит, что же касается начальства, то "русские свиньи не смогут помешать, потому что они не вступятся за своего".

На остановке автобуса, следующего в аэропорт, мельтешил какой-то орел в грязном камуфляже, с омерзительной, толстой и небритой рожей. Он пытался заговорить со мной, что-то бормотал о том, что я зря уезжаю, вместо того, чтобы служить свободному Азербайджану. Я понял, что меня пасут. Но он был один, а при равенстве сил азербайджанцы обычно не нападают. Подкрепление на двух "Латвиях" прибыло, когда я был уже в автобусе. Человек пятнадцать вооруженных автоматами ворвались в автобус,

представились национальной гвардией Азербайджана и потребовали, чтобы я следовал за ними. Я отказался, сказав, что как офицер Российского флота не подчиняюсь национальным воинским формированиям, и если у них есть ко мне претензии, то пусть вызывают представителя командования флотилией. Они попытались применить силу, один из них ткнул мне в лицо стволом автомата и тут же получил от меня удар в челюсть. Судя по звуку, челюсть-то я ему сломал. Тогда они ринулись на меня толпой, вопя непрерывно, что я - армянский террорист, в чемодане у меня бомба и я собираюсь взорвать самолет. Максимально используя то, что в узком проходе они больше мешали друг другу, я отбилась от нападения. У автобуса собралась толпа любопытных, и кто-то из толпы позвонил оперативному дежурному флотилии и сообщил о нападении на офицера. Дежурный решил, что это вне его компетенции и передал информацию в гарнизонную комендатуру, укомплектованную сплошь азербайджанцами, и немедленно о звонке забыл. В автобус забрались два милиционера, представились сотрудниками райотдела и сказали: - Нам наплевать на то, что они собираются тебя убить, но мы не хотим, чтобы это произошло на нашей территории. Поехали в райотдел, там свяжешься со своими и нас от лишних хлопот избавишь.

Пришлось подчиниться, потому что автобус со мной бандиты не пропускали, и кое-кто из пассажиров стал проявлять недовольство тем, что из-за меня их задерживают. В райотделе долго искали в моем чемодане бомбу, нашли кортик и принялись канючить, предлагая продать им его. К телефону меня не подпускали, но обещали вызвать представителя командования. И вызвали. Только это был представитель Министерства обороны Азербайджана и, что самое смешное, приятель Бадалова, лейтенант, которого не так давно уволили с флотилии по его собственному рапорту.

Окончание

Меня скрутили и силой затолкали в микроавтобус. Второй микроавтобус с бандитами, нападшими на меня, стоял рядом. По дороге мне устроили экзамен по знанию азербайджанского языка с целью выявить мое "армянское происхождение". На вопросы я не отвечал, заявив, что не знал и не желаю знать их язык, потому что не понимаю, о чем и с кем на нем можно говорить. Привезли меня во двор клуба им. Дзержинского, там у них МО размещалось. Во дворе ждали еще с десятков бандитов, составляющих цвет их национальной гвардии. Как только я вышел из микроавтобуса, все набросились на меня. Спасало только то, что в своем рвении они мешали друг другу, и мне только выбили пальцы на руках, так что я почти месяц не мог держать ими ручку. От такой толпы не отобьешься, оставалось просто прикрывать голову от ударов коваными ботинками. Избиение прекратил вышедший на крыльцо человек в форме полковника, оказавшийся начальником разведки. Так я попал в ГРУ Азербайджана.

Полковник долго рассматривал мои документы:

- Назовите свои настоящие имя и фамилию.

Я только пожал плечами.

- Врет! - вмешался бадаловский приятель. - Я его знаю! Это Саркисян Армен Суренович! А документы ему заменили, чтобы мы его не пристрелили! Эти русские заодно с армянами.

Полковник поворачивается ко мне и смотрит вопросительно.

- Если ваша разведка будет пользоваться информацией провокаторов и подонков, то я вам не завидую, - сказал я.

Лейтенант принялся рвать из кобуры пистолет.

- Что, выкидывай ишачий, - шагнул я к нему, - очень убить хочется? Да будь у меня пистолет, ты бы сейчас в углу визжал и о пощаде молил! А против безоружного ты, конечно, герой. Так вот, я всегда говорил и теперь говорю, что армяне вас как сраных котов выдерут.

В кабинет вошли еще двое: один в форме полковника, второй в гражданском. Они оказались из отдела внешних связей (или что-то вроде этого) и увели меня к себе. Видимо, для разведки я интереса не представлял. Там со мной разговаривали вежливо, а полковник все повторял:

- Сука Горбачев! Какую страну развалил!

Начали опять с обыска. Обнаружив кортик, обыскивающий немедленно его спер.

- Верните кортик! - возмутился я. - Или вы полагаете, что с ним я буду опасен для вашей национальной гвардии?!

- Не волнуйтесь, - успокаивает тот, что в гражданке. - Мы все вам вернем, если для этого будут основания.

Дальше допрос шел по накатанной колее, то есть они пытались выяснить мое происхождение. В чемодане среди документов обнаружилось свидетельство о рождении, свидетельство об окончании восьми классов, аттестат зрелости, комсомольский и партийный билеты. И во всех в графе "национальность" стояло - русский.

Допрашивающие разочарованы, но не успокаиваются и звонят в адресный стол. Там они получают неутешительный ответ: мать, сестра и я - все, как назло, русские. Тут я говорю им, как бы между прочим, что о готовящемся нападении знал и сообщил о нем командующему и прокурору флотилии подполковнику Сапожникову.

После этого меня под конвоем двух автоматчиков отправляют в коридор, чтобы без помех посоветоваться. В коридоре охрана затевает игру, суть которой заключается в следующем: они, по возможности незаметно, отстегивают магазины, придерживая их пальцами, передергивают затворы, целятся в меня и нажимают на спусковой крючок. Раздается щелчок. Играющие улыбаются и повторяют трюк. Опасность в том, что при недостаточном отжатии магазина может быть дослан патрон в патронник, и тогда вместо щелчка раздастся выстрел. Они надеются увидеть на моем лице страх...

Через какое-то время меня вызывают в кабинет и сообщают, что, пока идет проверка данных обо мне, им хочется узнать, почему я не хочу служить суверенному Азербайджану, хлеб которого ел все это время. Я им немедленно и очень кратко объяснил, что чужого хлеба никогда не ел и не считаю себя чем-то им обязанным, а на будущее их "суверенного Азербайджана" мне, как бы это помягче, плевать. Меня снова отправляют в коридор. Охранники возобновляют игру, а их начальники в это время звонят прокурору флотилии и интересуются, был ли я у него и что говорил. Сапожников заявил им, что справок по телефону не дает, спросил, не у них ли я, и, получив отрицательный ответ, повесил трубку. Вот такие дела. Через несколько минут меня вызывают в кабинет и говорят:

- Все подтвердилось! Расстрелять!

Меня ведут в подвал, где инсценируют расстрел холостыми патронами. Завязать глаза я не дал и пощады просить не стал. Через некоторое время инсценировку повторили с прежним результатом. Я тогда понял, что живым они меня не выпустят, и решил показать им, что смогу умереть достойно. Около двух часов ночи меня опять передали милиции.

- Кортик верните, - потребовал я на прощание.

- Оружие вывозить из республики запрещено! - заявили мне с важным видом. - Да и вряд ли он тебе понадобится.

- Помяните мое слово, - сказал я им, - армяне разобьют вас, потому что они воюют, как солдаты, а вы - как шпана!

Прибывший за мной широкоплечий майор угрюмого вида, фамилию которого я не стану называть, поскольку не уверен, что ему простят человеческое поведение, был начальником уголовного розыска одного из городских райотделов. В коридоре толпились напавшие на меня бандиты и нам пришлось пройти сквозь строй. Они выкрикивали угрозы и оскорбления в мой адрес.

- Не обращайтесь внимания на этих скотов, - тихо сказал майор, чем очень удивил меня.

В райотделе меня сразу отвели к начальнику, вернее, к исполняющему обязанности начальника. Подполковник, фамилию которого я не стану называть по той же причине, спросил удивленно:

- Это ты, что ли, арестованный террорист?

Я кивнул. Мы несколько раз встречались с ним, когда он служил в Баилловском райотделе. Наши архаровцы время от времени попадали в милицию, приходилось ходить туда разбираться, там мы и встречались. При мне подполковник позвонил прокурору республики, сказал, что знает меня лично и на этом основании не станет сажать меня в камеру к уголовникам.

- Ты его и в тюрьму посадишь! - заявил прокурор.

- Его сажать не за что!

- Найдем за что!!! - изрек прокурор и бросил трубку.

- Не унывай, - сказал подполковник. - Завтра я сам к прокурору съезжу. А пока посиди в кабинете начальника уголовного розыска.

С майором мы пили чай, он старательно избегал встречаться со мной взглядом и наконец сказал:

- Мне стыдно за то, что творит мой народ! Как офицеру перед офицером стыдно! Не думай, что мы все такие. На, ознакомься, - и протянул лист бумаги.

Это был донос, написанный Бадаловым уже после моего задержания. Он писал, что от возмездия пытается скрыться злейший враг азербайджанского народа, которого обязательно следует убить, потому что он притеснял подчиненных азербайджанцев, а честнейшего и достойнейшего азербайджанца мичмана Керимова даже пытался посадить в тюрьму по обвинению в воровстве, и что, наконец, едет сей злобный враг в Самару для того, чтобы бороться там против азербайджанцев, ну и, конечно же, там сообщалось о моем тщательно скрываемом армянском происхождении.

- Тебя никто задерживать официально не собирался, - поведал майор. - Хотели просто вывести за город и убить. Отсюда ты уже перевелся, на новое место еще не прибыл, так что не скоро хватились бы. Спасло тебя то, что ты сопротивление оказал, привлек внимание людей. А огласка им была ни к чему. Они и сейчас у райотдела пасутся, и если ты выйдешь, попытаются тебя убить.

Потом майора куда-то вызвали, и меня перевели в комнату, расположенную за дежуркой. Там уже сидели квартирный вор, пьяный дебошир, наркоман и проститутка. Там же заступающие на патрулирование милиционеры получали рации и оружие. Слух о моем происхождении, видимо, получил широкое распространение. Милицейские сержанты открыто грозили мне расправой.

Но были и исключения. Мимо нас несколько раз прошел пожилой старшина; стараясь, чтобы не заметили сослуживцы, он подавал мне какие-то знаки. Я не обратил на него внимания, но, когда он ушел, проститутка шепнула мне:

- Слушай, моряк! Этот старшина что-то положил тебе в стол.

В столе обнаружился кусок хлеба с сыром. Старшина отдал мне половину своего обеда.

Есть такие азербайджанцы, у них, как правило, много детей, живут они на одну зарплату, а значит, небогато. Так что его поступок дорогого стоит. Его дар мы разделили на всех сокамерников.

На следующий день ни подполковника, ни майора не было, и меня посадили в камеру. Уголовников моя персона не заинтересовала, они даже не спросили, как я попал в их компанию. Зато я узнал кое-что о месте своего пребывания. Оказывается, в этом здании до революции располагалась жандармерия и при ней внутренняя тюрьма. Уголовники рассказали, что бежать отсюда удалось только однажды, и этим смельчаком был Сталин. Говорили они это с восхищением. Информация не обнадеживала, но нужно было отсюда выбираться. Ни есть, ни пить не давали. Через сутки появился подполковник и сказал, что прокурор распорядился отправить меня в Самару, но сегодня рейса нет, так что мне придется посидеть до завтра. Я не очень этому поверил, потому что меня заперли в

комнате, видимо, бывшей раньше камерой. На окне изнутри толстая решетка, снаружи ставни, толстая дубовая дверь. Судя по всему, комнату ремонтировали, из стены и потолка торчали оголенные провода, из обстановки только забрызганный известью письменный стол и старое сломанное кресло. В те годы я довольно хорошо видел в темноте и немедленно обследовал комнату. В столе я обнаружил телефон. Он работал. Позвонил оперативному дежурному тыла, рассказал обо всем и попросил доложить об этом командующему, прокурору и начальнику особого отдела. Время шло - помощи все не было. К середине дня за мной пришел подполковник. Мы вышли во дворик и остановились перекурить. Дворик глухой, выход только один - ворота, охраняемые двумя милиционерами. Незаметно не проскочить. Тут подполковника кто-то позвал, он и пошел, а я внаглую направился к воротам. Милиционеры видели, как я мирно беседовал с их подполковником, и потому на меня внимания не обратили. Так я оказался на свободе. Не успел я отойти на пару кварталов, как возле меня резко затормозил милицейский УАЗ.

- Садись, подвезу, - предложил уже знакомый мне майор.

- Нет уж! Я лучше сам!

- Садись, садись. Я тебя до флотилии подброшу, потом твой билет на сегодняшнее число обменяю. А ты с начальством договорись, чтобы пару человек с оружием и машину дали. На тебя ведь охота не закончилась. Я тоже с вами поеду. В таком составе они напасть на нас не посмеют.

В рубке оперативного тыла моему появлению удивились. Дежурный капитан 3 ранга Винский был занят плетением сети и, оторвавшись на несколько минут, поведал, что вводную по моему звонку отработал, но результаты были неутешительны: Франчук был крайне недоволен тем, что его тревожат в выходной, сказал, что выручать попавших в неприятное положение не входит в его обязанности, и рекомендовал обратиться в комендатуру. Командующий приказал разыскать прокурора и поручить ему разобраться со случившимся; прокурор долго причитал, что он не адвокат, а совсем даже наоборот, но буквально минут десять как отправился мне на выручку. Вернулись они примерно через час, привезли мой билет на самолет. Майор сдал старый билет и, доплатив из своего кармана, приобрел новый, еще раз передав через них предложение о сопровождении меня в аэропорт. Прокурор под мою диктовку написал рапорт о случившемся, в том числе об изъятии у меня кортика, на имя командующего (сам я из-за выбитых пальцев писать не мог).

- Скажи спасибо, что жив остался! - высказался прокурор по поводу пропажи кортика и пообещал во всем разобраться. Еще пообещали сообщить в Самару о причине моей задержки. Командующий распорядился отправить меня на гидрографическом судне, уходящем в тот день в Махачкалу, а добираться дальше предоставил мне самостоятельно.

- Оружие ему да еще пару сопровождающих? Еще чего! - сказал он.

- А если эти все-таки нападут? Будет перестрелка. А отвечать мне? Нет уж, увольте!

Тут нелишне будет заметить, что при отправке своего личного имущества он на охрану и сопровождение не скупился. А чтобы я не вздумал разбираться с Бадаловым, он велел сопроводить меня на гидрограф и никуда с него не выпускать. По пути на гидрограф мы и встретили ЧВСа и начальника особого отдела. Для соблюдения формальностей меня остановили и поинтересовались случившимся. Но стоило мне сказать, что захватили меня по доносу Бадалова, как командующий перебил меня:

- Это все не важно! Вы лучше скажите, почему вы не бриты и не стрижены!

- Я, товарищ командующий, между прочим, из тюрьмы вышел!

- Ну и что? Знали, что, может быть, с командующим придется встречаться, могли бы и в парикмахерскую зайти! Может, вам денег дать, если у вас нет?

Очень хотелось в морду ему дать. Видимо, это желание явно отразилось на моем лице, и особист Гера Угрюмов, хорошо меня знавший еще по училищу, на всякий случай встал между нами.

- Иди на гидрограф, - сказал он. - Я скоро приду, и все мне расскажешь. С этим подонком мы разберемся.

- Били? - поинтересовался ЧВС, поскольку должность обязывает. Получив утвердительный ответ, он, кажется, сразу обо мне забыл.

Только к вечеру следующих суток я оказался в Махачкале. Билетов на Самару не было, удалось вылететь в Волгоград, да и то лишь на следующий день. Здание аэропорта в Волгограде было забито людьми до отказа, присесть негде, и почти всем, как назло, нужно в Самару. Дежурный помощник военного коменданта - лейтенант из двухгодичников вначале хорохорился: "Много вас здесь, а я один", - но после того как я взял его за грудки и слегка встряхнул, пообещал сделать все возможное. И не обманул. Вскоре меня вызвали в кассу, где я и приобрел билет на ночной рейс. Денег оставалось только на автобус от аэропорта до Самары. Неожиданно захотелось есть. Пишу "неожиданно", потому что на гидрографе я ни есть, ни спать не мог, видимо, сказывалось нервное напряжение.

Неподалеку, прямо на полу расположилась большая компания, человек десять мужчин и одна женщина. Они спокойно выпивали и закусывали, как на пикнике, пока не увидели, что я приобрел билет. Тотчас же трое подошли ко мне.

- Офицер не откажется уступить билет даме! - заявил один из них.

И тут меня прорвало, наступил предел выдержки, и я излил на них всю скопившуюся за последнюю неделю злость. Они явно не ожидали такой реакции и явно поняли, что имеют дело с чем-то выходящим за рамки обыденного, и повели разговор совсем в другом тоне. Узнав, что я опаздываю к новому месту службы уже на неделю, потому что сидел в азербайджанском плену, нефтяники, а это была именно бригада нефтяников-вахтовиков, возвращающаяся из Тюмени, потащили меня к себе и стали угощать. От первого же стакана голова закружилась и тело обмякло. Кажется, в таких случаях говорят, что наступил предел физических сил...

В Самару мы прилетели около пяти часов утра, и сразу выяснилось, что на оставшиеся у меня деньги нельзя купить ничего, кроме коробка спичек. Получал я их до либерализации цен, а прилетел после. Вот и получалось, что пока я мыкался в тюрьме и в дороге, меня в очередной раз обокрали. О вкладе в сбербанке я уже не говорю. Тут вообще получилось, что двадцать лет я прослужил на кораблях, как говорится, "за компот". Водитель автобуса, увидев выражение моего лица, когда он назвал новую цену за проезд, все понял и взял меня бесплатно. Дома (мать тогда жила в полуподвальной квартирке, списанной как непригодная для проживания), наскоро приведя себя в порядок, я отправился в облвоенкомат. Так эта история и закончилась.

Вот и все, что я знаю о событиях 19 января в Баку и обо всем, что было после. В Азербайджане эта дата называется "Черный январь". В этот день принято рассказывать о "бесчинствах Советской Армии над мирным азербайджанским населением" и возлагать цветы к памятникам.